

УДК 821.581

А. Г. Сторожук

## ИСТОРИЯ СЮАНЬ-ЦЗУНА И ЯН ГУЙ-ФЭЙ В ТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВЫБОР МЕЖДУ ДОЛГОМ ПРАВИТЕЛЯ И ЛИЧНЫМ СЧАСТЬЕМ

История взаимоотношений императора Сюань-цзун (玄宗)<sup>1</sup> и его любимой наложницы Ян Гуй-фэй (楊貴妃, 719–756) была описана многократно и весьма подробно. Историки, филологи, философы, политологи, религиоведы неизменно возвращаются к этой теме в самых различных исследованиях, касающихся танской эпохи, и причина такого внимания понятна: фактическое изменение правящей элиты в стране во время всецелия Ян Гуй-фэй и формирование новой политики, приведшей к краху, — мятежу Ань Лу-шаня (安祿山, ?–757) и непрерывным войнам в течение более 60 лет, — отразились на всех сферах общественной жизни Китая, и отголоски этих событий продолжали занимать умы еще много сотен лет. В свете рассматриваемой темы нас будет, безусловно, интересовать лишь один из аспектов истории взаимоотношений Сюань-цзун с его ближайшей фавориткой — осмысление их с точки зрения конфуцианского ритуала и литературная интерпретация этого осмысления.

Исторические свидетельства рисуют весьма неприглядную картину этих взаимоотношений с самого их начала до конца: император Сюань-цзун, помимо прочего знаменитый неумным сладострастием, забирает приглянувшуюся ему девушку из гарема собственного сына Шоу-вана (壽王) Мао (瑁). Известны описания бесчинств, творившихся по неофициальным приказам Сюань-цзун специальными посланниками, отбиравшими девушек для многочисленных гаремов государя в столичных и так называемых «походных» дворцах<sup>2</sup>: эти события, в частности, послужили основой создания знаменитого *юэфу* выдающегося танского поэта Юань Чжэня (元稹, 779–931) «Седые обитательницы Шанъяна» (上陽白髮人, «Шанъян байфа жэнь», см.: «Цюань Тан ши» (全唐詩), цзюань 419 [1, т. 12, с. 4615]).

И вот бывшая наложница сына, носившая имя Юй-хуань (玉環) и происходившая из рода Ян (楊), оказывается в гареме Сюань-цзун. Вскоре она, хитростью и интригами потеснив прежних фавориток и приобретя новое имя Тай-чжэнь (太真)<sup>3</sup>, получает существенное влияние при дворе, и в 4-м году правления под девизом Тянь-бао (天寶)<sup>4</sup> (745 г.) становится старшей наложницей (кит. *гуйфэй*, 貴妃). В большинстве исторических сочинений она и фигурирует как «Старшая наложница Ян», т.е. Ян Гуй-фэй.

<sup>1</sup>Сюань-цзун (685–762) — седьмой император династии Тан. Годы правления 712–756.

<sup>2</sup>Походный дворец (син гун, 行宮) — копия императорского дворца, строившаяся в провинциальных центрах и служившая резиденцией правителя в случае посещения им данной провинции.

<sup>3</sup>Ян Юй-хуань (楊玉環), будущая могущественная фаворитка Ян Гуй-фэй, после того как император выбирает ее для себя, чтобы скрыться от посторонних глаз и избавиться от статуса наложницы Шоу-вана (壽王) в 736 г. на некоторое время становится монахиней в святилище Тайчжэньгуань (太真觀), где приобретает даосское имя Тай-чжэнь (太真) [2, с. 74], под которым далее и упоминается в китайских исторических документах и литературных произведениях.

<sup>4</sup>Тянь-бао — третий девиз правления Сюань-цзун (742–756).

© А. Г. Сторожук, 2010

Очень быстро Ян Гуй-фэй удается привязать к себе Сюань-цзуна настолько, что он начинает слушать ее и потакать ей решительно во всем. Тогда Ян Гуй-фэй возвышает своего брата Ян Го-чжуна (楊國忠, ?–756)<sup>5</sup>, который, быстро сменив несколько высоких должностей — от генерал-губернатора Цзяньнани (劍南)<sup>6</sup> до губернатора столичного округа, становится фактическим главой совета министров — Шаншу (尚書省)<sup>7</sup> и занимает еще множество различных важных постов. Одновременно с этим Ян Гуй-фэй выдает замуж за наследных принцев своих сестер, распространяя власть семьи не только в сфере высшего чиновничества, но и среди родовой аристократии.

Ян Го-чжун на пару с еще одним новым выдвиженцем Ли Линь-фу (李林甫, ?–752) фактически сосредоточивает в своих руках всю полноту власти в стране. Но они действуют недальновидно и бездарно. Недовольство их алчностью и неумелым правлением вызывает сильнейший протест и при дворе, и в армии. Взятничество, бездумная налоговая политика, военные неудачи — все это неуклонно подрывало экономику и усиливало ропот в самых разных социальных слоях.

Тем временем Ян Гуй-фэй обзаводится собственными фаворитами, одним из которых становится молодой генерал неханьского происхождения по имени Ань Лу-шань (安祿山, ?–757)<sup>8</sup>, попавший в милость к Сюань-цзуну во время войны с киданями. Его выдвижению фактически способствовал Ли Линь-фу, стремившийся заручиться поддержкой военачальников и рекомендовавший на многие важные посты в армии кочевников, рассчитывая на их неспособность участвовать в придворных интригах и личную преданность ему.

Зная, что ее брат не благоволит новому протезе, Ян Гуй-фэй «усыновляет» Ань Лу-шаня, благодаря чему последний может теперь беспрепятственно являться не только во дворец, но и в запретную его часть. Вскоре Ань Лу-шань получает новое назначение, став генерал-губернатором сразу трех из десяти пограничных округов и возглавив армию более чем в 150 000 человек. В 755 г. Ань Лу-шань поднимает мятеж, его войска захватывают Восточную столицу Лоян, а затем и Чанъань. Сюань-цзун вместе со свитой бежит в Сычуань и через некоторое время отрекается от престола. На трон восходит его сын, известный в истории под храмовым именем Су-цзун (肅宗)<sup>9</sup>. Тем временем Ань Лу-шань сам провозглашает себя императором Сюн-у (雄武皇帝) и возвещает об основании новой династии Янь (燕). Самопровозглашенная династия существует недолго — в 757 г. Ань Лу-шань был убит собственным сыном, а его сподвижники потерпели окончательный разгром в 763 г., но непрекращавшиеся войны и восстания продолжались в Китае еще много лет. Только в царствование Сянь-цзуна (憲宗)<sup>10</sup> наступает относительное затишье: этот правитель сумел по большей части усмирить мятежных генерал-губернаторов, с помощью «хитрости, подкупов, провокаций и силы оружия» сменив за короткий срок 36 военных правителей приграничных округов [3, с. 239].

<sup>5</sup>Ян Го-чжун — нареченное имя Ян Чжао (楊釗); имя Го-чжун, т.е. «Государственная преданность», получил по высочайшей милости вскоре после возвышения Ян Гуй-фэй и приближения к трону.

<sup>6</sup>Цзяньнань — приграничный округ на территории нынешней провинции Сычуань.

<sup>7</sup>Ян Го-чжун был чиновником, ведавшим назначениями и увольнениями в совете министров, одновременно с этим был главой министерства личного состава и аттестаций, носившего при Сюань-цзуне название Вэнь-бу (文部).

<sup>8</sup>Относительно происхождения Ань Лу-шаня имеется множество самых противоречивых сведений. Различные исследователи причисляют его и к хуннам, и к согдийцам, и к киданям; современные китайские исторические работы говорят о том, что Ань Лу-шань был выходцем то ли из южных земель, а именно — из Гуаньдуну, то ли из западных областей, из округа на территории нынешней провинции Ганьсу. Не разбирая частные подробности биографии Ань Лу-шаня, отметим здесь только его неханское происхождение.

<sup>9</sup>Су-цзун (711–762) — восьмой император династии Тан, годы правления 756–762.

<sup>10</sup>Сянь-цзун (778–820) — двенадцатый император династии Тан, годы правления 806–820.

Во время бегства Сюань-цзуна в Сычуань по настоянию разгневанного армейского командования Ян Го-чжун был убит у почтовой станции Мавэй (馬嵬驛). Там же была задушена и Ян Гу-фэй (по некоторым источникам, она получила предписание покончить с собой; по другим — такое предписание получил и Ян Го-чжун) (об этих событиях см. «Цзю Тан шу» (舊唐書), цзюань 9 [4, т. 5, с. 3280–3283], «Синь Тан Шу» (新唐書), цзюань 5 [4, т. 6, с. 4146–4149]).

Так заканчивается эта история любви и начинается процесс ее осмысления и интерпретации в различных видах и жанрах литературы. К сожалению, до наших дней не дошло переложений описанных событий в народных литературных формах, созданных при жизни Ян Гуй-фэй или в первые десятилетия после восстания Ань Лу-шаня. Неизвестно даже, были ли такого рода произведения, и если да, то в каком ключе освещались в них и сам государь, и его всесильная фаворитка.

В то же время отражение этой истории в художественной литературе весьма широко и показательны для исследуемой проблемы. Дело в том, что любой литератор, обратившийся к описанию событий, непосредственно предшествовавших восстанию Ань Лу-шаня, должен был прежде всего хотя бы для себя четко сформулировать позицию в отношении императора Сюань-цзуна и его роли в описываемой ситуации. И подобная формулировка не могла не столкнуться для конфуцианского апологета с весьма противоречивым и труднопреодолимым препятствием: трагические события, ставшие результатом правления Сюань-цзуна, не привели к смене династии; на троне остался преемник — родной сын Сюань-цзуна — и далее наследование престола происходило до самого падения Тан в 907 г. по линии одной правящей фамилии. Таким образом, подвергая сомнению добродетели Сюань-цзуна, критик неминуемо затрагивал бы и достоинства монарха, находившегося на тот момент у власти и почитавшего Сюань-цзуна, как и других предков, связь с которыми понималась непререкаемым условием успешности правящего дома. То есть возможность критиковать влекла за собой существенное и весьма опасное нарушение ритуала как в мироустроительном, так и в сугубо социальном понимании.

Если следовать строгой логике, критикуя чинившиеся правителем беззакония, можно говорить либо о лишении рода Ли *небесного мандата* (кит. *тянь мин*, 天命) и предрекать неминуемую скорую гибель династии, либо винить в погрешностях правления не самого императора, но его окружение. Впрочем, второй путь на первый взгляд не кажется продуктивным, ибо одной из главных добродетелей государя как раз и является умение собрать вокруг себя людей мудрых, исполненных достоинств и радеющих о судьбе страны.

### Три варианта трактовки истории Сюань-цзуна и его фаворитки

Решалась дилемма по-разному. Нужно признать, что осмеливавшиеся намекать на виновность Сюань-цзуна были в явном меньшинстве. В «Седых обитательницах Шань-яна» (上陽白髮人, «Шанъян байфа жэнь») Юань Чжэнь описывает бегство Сюань-цзуна в Сычуань, возлагая на него вину не только за то, что три тысячи обитательниц походного дворца были брошены на произвол судьбы во время страшной смуты, но и за бесчинства, творившиеся при отборе кандидаток для императорского гарема. Посланники двора не по собственному почину осмеливались врываться в знатные дома и силой увозить наложниц — на то у них имелись писанные тушью неофициальные указы правителя (кит. *мо чжао*, 墨詔), и подобная ситуация продолжала существовать еще долго после бегства Сюань-цзуна (см. «Цюань Тан ши» (全唐詩), цзюань 419 [1, т. 12, с. 4615]).

Впрочем, ответственность за беззакония в стране в полной мере разделяет и Ян Гуй-фэй, а также, что вполне естественно, Ян Го-чжун и Ли Линь-фу — об этом говорится в другом знаменитом *юэфу* поэта «Строфах о дворце Вечного Благоденствия» (連昌宮詞, «Лянь чан гун цы») (см. «Цюань Тан ши» (全唐詩), цюань 419 [1, т. 12, с. 4612–4613]). Нужно сразу отметить, что не все описания из этого *юэфу* можно причислить к исторически достоверным, и, соответственно, было бы в корне неправильным рассматривать «Строфы о дворце Вечного Благоденствия» как исторический документ о бунте Ань Лу-шаня. Как и в ряде танских новелл, обращение к реальным персонажам прошлого здесь не правдивое повествование об их жизни, но лишь способ выражения основной авторской идеи [5, с. 958], в данном случае — рассуждений о том, каким должно быть правление добродетельного государя, и о страданиях простого народа, когда император забывает о своем долге (подробнее о «Строфах» см.: [6, с. 222–231]).

Совершенно другой подход в описании взаимоотношений Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй присутствует в известной новелле «Повесть о наложнице Мэй»<sup>11</sup> (梅妃傳, «Мэй-фэй чжуань») неизвестного автора, традиционно относимой ко времени Тан<sup>12</sup>. Утонченная и добродетельная девушка Цзян Цай-пин (江采蘋), получившая за привычку любоваться цветками сливы прозвище «Сливовой наложницы» (кит. *Мэй фэй*, 梅妃), т.е. «наложницы Мэй», всем сердцем любит государя, и тот отвечает ей взаимностью. Однако козни и интриги новой фаворитки Ян Гуй-фэй разделяют их. Мэй удаляют в восточный дворец; Ян Гуй-фэй ухитряется совершенно лишит государя воли, и тот фактически принужден отречься от своей прежней любви. Не в состоянии противостоять капризам новой наложницы, Сюань-цзун становится игрушкой в ее руках, и только после смерти Ян Гуй-фэй он снова предпринимает попытки отыскать Мэй, но оказывается, что та погибла во время бунта Ань Лу-шаня (текст новеллы см.: [8, цюань 8, с. 462–466]).

Таким образом, согласно замыслу автора новеллы, вина за ошибки и бесчинства последнего десятилетия снимается с Сюань-цзуна, и вся ответственность падает на злокозненную и коварную Ян Гуй-фэй, своей ревностью и капризами сумевшую лишит императора душевного покоя и заставить пренебречь повелением Неба. Как говорилось выше, любовь — животворная сила, которой невозможно противостоять, — может оказаться разрушительной и привести к гибели, если человек разлучен с предметом своей страсти. Другими словами, поддавшись зову сердца, Сюань-цзун утратил способность адекватно оценивать ситуацию, и винить в ошибках следует не его, а ту, которая, воспользовавшись слабостью государя, чинила козни его руками.

Но такая позиция еще оставляет слишком много возможностей для двусмысленных, с точки зрения ритуала, суждений относительно личности Сюань-цзуна, способного увлечься порочной и коварной Ян Гуй-фэй, предав возвышенное и добродетельное чувство Цзян Цай-пин. Поэтому превалирующим вариантом трактовки взаимоотношений монарха и его всесильной фаворитки становится модель, предложенная новеллистом VIII–IX вв. Чэнь Хуном (陳鴻) и великим танским поэтом Бо Цзюй-и (白居易, 772–846).

<sup>11</sup>В русском переводе новелла известна под названием «Повесть о фаворитке Мэй» (пер. О.Л. Фишман) [7, с. 149–156].

<sup>12</sup>Относительно авторства новеллы высказывались самые разные предположения: ее и причисляли к творчеству литератора IX в. Цао Е (曹鄴, 816–?), и датировали периодом Южной Сун (南宋, 1127–1279). Мы разделяем традиционную точку зрения, относящую «Повесть о наложнице Мэй» именно к танским произведениям. Именно так «Повесть» и трактовалась различными традиционными китайскими исследователями, включая цинского Чэнь Ши-си (陳世熙, XVIII–XIX вв.), составителя свода «Тан жэнь шо хуй» (唐人說薈, «Изобилие танских рассказов»), наиболее полного собрания танской повествовательной прозы.

Речь идет о новелле Чэнь Хуна «Повесть о “Песне о бесконечной тоске”»<sup>13</sup> (長恨歌傳, «Чан хэнь гэ чжуань»), в которую включена поэма Бо Цзюй-и «Песня о бесконечной тоске». Сюжет новеллы таков: после смерти любимой супруги Сюань-цзун бесприютен и одинок; ни многочисленные наложницы, ни жены не находят отклика в его сердце. Но однажды евнух Гао Ли-ши (高力士, 684–762) находит для него небывалую по красоте и утонченности девушку, которую император принимает в свой гарем и вскоре делает ее главной наложницей — Ян Гуй-фэй. Любовь, связавшая их души, возвышенна и прекрасна, но бесчинства, творимые братом Ян Гуй-фэй, вызывают смуту и навлекают на всю их семью гнев и ярость придворных. Во время бунта Ань Лу-шаня Ян Гуй-фэй и ее брат получают предписание покончить собой и, покорные долгу, выполняют его. После подавления бунта Сюань-цзун, уже передав бразды правления сыну и приняв титул императора-отца (кит. *тай шан хуан*, 太上皇), возвращается из Сычуани в столицу, но душа его не находит покоя. Заезжий даос, владеющий секретом путешествия в страну бессмертных, предлагает себя в качестве посланника, чтобы отыскать душу Ян Гуй-фэй, поведать ей о тоске государя и принести ответ. Сюань-цзун с радостью соглашается. На острове бессмертных Пэнлае (蓬萊, в тексте новеллы — Пэнху, 蓬壺) даос встречает Ян Гуй-фэй, ставшую святой бессмертной, и приносит от нее признания в вечной любви к Сюань-цзуну и сожаления о том, что им выпала разлука. Услышав рассказ даоса, государь впадает в печаль и вскоре умирает. Узнав об этой истории, Бо Цзюй-и описывает ее в стихах, дабы высоким слогом донести до потомков рассказ об этой необыкновенной любви, неподвластной даже смерти (далее в произведении Чэнь Хуна помещена поэма Бо Цзюй-и, полностью повторяющая сюжет новеллы) («Тайпин гуан цзи» 太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин», цзюань 486 [9, т. 5, с. 3998–4001]).

Вряд ли можно предположить, что Чэнь Хуну или Бо Цзюй-и была неизвестна подлинная история развития событий. Также наивным было бы предполагать искреннюю веру в подлинность описываемого — не с точки зрения возможности фантастического путешествия в страну бессмертных, но с точки зрения соответствия характеров литературных героев — Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй — их реальным историческим прототипам. Взгляды Бо Цзюй-и на возрождение подлинных принципов ритуала были неоднократно и подробно изложены им самим<sup>14</sup>, и преданность этим взглядам так же неоднократно подтверждена; позиция его друга и единомышленника Юань Чжэня в оценке Ян Гуй-фэй и Сюань-цзуна тоже слишком красноречива, чтобы предполагать у этих литераторов недопонимание или иллюзии по поводу предпосылок восстания Ань Лу-шаня. Тем менее логичным кажется на первый взгляд поступок Бо Цзюй-и.

Однако в свете понимания ритуальной силы слова последователями Фу гу<sup>15</sup> намерение поэта не только оправданно, но и логично: в традиционной китайской культуре

<sup>13</sup>Новелла известна в русском переводе под названием «Повесть о вечной печали» (пер. О.Л. Фишман) [7, с. 142–157].

<sup>14</sup>Помимо многочисленных поэтических произведений, посвященных вопросу утраты истинного понимания ритуала, Бо Цзюй-и совместно с Юань Чжэнем были авторами крупного сочинения политико-философского характера — трактата «Цэлинь» (策林) в 75 разделах, в котором вопрос о следовании ритуалу был подробно и всесторонне рассмотрен.

<sup>15</sup>Фу гу (復古運動) — движение за возврат к древности в идейных принципах, в самой основе различных форм мироустроительного ритуала (в том числе литературы). Сторонники Фу гу говорили о необходимости правильного (т.е. восходящего к древним традициям) осмысления процесса художественного творчества, при том что конкретные формы выражения вовсе не обязательно должны были повторять древние образцы. И Бо Цзюй-и, и Юань Чжэнь известны как убежденные последователи Фу гу.

издревле существовало представление, что сила правильно составленного ритуального текста способна нивелировать прошлые ошибки государя и направить жизнь Поднебесной в верное русло (об этой особенности см., например: [10, с. 264]). Восстановление нормальной жизни страны, безусловно, не мыслилось без исправления ритуала в отношении правящей фамилии, и поэма Бо Цзюй-и, очевидно, должна рассматриваться именно в этом контексте. Подобно Цао Чжи (曹植, 192–232)<sup>16</sup>, восхвалявшему своего царственного брата в период усугубления личного разлада между ними, Бо Цзюй-и создает поэму, цель которой — восстановление ритуала по отношению к Сюань-цзуну и Ян Гуй-фэй как его избраннице и, что вполне соответствует конфуцианской традиции, перенос ответственности на нерадивых советников государя и алчных, своекорыстных министров<sup>17</sup>.

Этому созвучно и то, что одновременно возникает ряд новелл о путешествии в страну бессмертных, в которых Ян Гуй-фэй изображается вполне отстраненно как прекрасная небожительница, утонченная и наделенная множеством талантов, и в этом качестве данный литературный персонаж нередко встречается и в произведениях последующих эпох.

## Литература

1. Цюань Тан ши (Полное собрание стихотворений эпохи Тан). 全唐詩. Пекин, 1960. Т. 1–25.
2. *Фан Гуан-чунь*. Гу ду Сиань — Чанъань даоцзю юй даогуань (Древняя столица Сиань — даосизм и даосские монастыри в Чанъани). 樊光春. 古都西安 — 長安道教與道觀. Сиань, 2002.
3. Очерки истории Китая. (С древности до опиумных войн) / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
4. Эр ши у ши (Двадцать пять династийных историй). 二十五史. Шанхай, 1986., Т. 1–12.
5. Тан ши цзяньшан цыдянь. (Словарь танской поэзии с эстетическим комментарием) / Сост. Сяо Ди-фэй и др. 唐詩鑑賞辭典. 蕭滌非等著. Шанхай, 1983.
6. *Сторожук А. Г.* Юань Чжэнь: жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., 2001.
7. Танские новеллы / Пер. с кит., послесл. и примеч. О. Л. Фишман. М., 1955.
8. Тан Сун чуаньци цзи (Собрание новелл чуаньци династий Тан и Сун) // Лу Сюнь цюань цзи (Полное собрание сочинений Лу Синя). 唐宋傳奇集 // 魯迅全集. Пекин, 1973. Т. 10. С. 187–516.
9. Тайпин гуан цзи (Обширные записи годов Тайпин). 太平廣記. Пекин, 1959. Т. 1–5.
10. *Кравцова М. Е.* Поэзия древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. СПб., 1994.

<sup>16</sup>Цао Чжи — один из «Трех Цао» (сань Цао, 三曹), младший брат Цао Пи (曹丕). Один из крупнейших литераторов II–III в., выдающийся мастер жанра юэфу (樂府).

<sup>17</sup>Здесь необходимо еще раз отметить важность в системе конфуцианских воззрений фигуры советника правителя: если неудачи последних лет перед восстанием Ань Лу-шаня авторы вышеперечисленных произведений связывали с деятельностью Ян Го-чжуна и Ли Линь-фу, то процветание страны в период правления под девизом «Кай-юань» (開元, 713–741) ассоциировалось прежде всего с мудрыми и добродетельными сановниками Яо Чуном (姚崇, 650–721) и Сун Цзином (宋璟, 663–737), занимавшими один за другим пост первого министра и дававшими императору верные рекомендации и, соответственно, направлявшими потоки Дэ в правильное русло (см., например, «Пишу в старых рифмах от имени прошлых людей Цюйцзяна» (代曲江老人百韻, «Дай Цюйцзян лаожэнь бай юнь») и «Строфы о дворце Вечного Благоденствия» (連昌宮詞, «Лянь чан гун цы») Юань Чжэня, «Цюань Тан ши» (全唐詩), цюань 419 [1, т. 12, с. 4613; 5, с. 29–35, 222–232]).